

**«РАБОЧИЙ ВОПРОС» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА)****

Опираясь на новые архивные материалы, автор рассматривает процессы радикализации рабочего движения в революционной России в 1917 г. и приходит к выводу, что они были следствием не только объективных экономических предпосылок, но и субъективных факторов из области социальной психологии.

Ключевые слова: революция 1917 г., хозяйственная разруха, рабочий вопрос.

Февральская революция принесла с собой буржуазную концепцию прав и свобод гражданина, признавшую каждого человека «свободной персоной». Право «священной свободы» примечательно в нескольких отношениях: во-первых, оно истолковывалось населением как уничтожение всякого властного принуждения. Во-вторых, если власть декларировала политическое равенство, то в глазах граждан его логичным следствием стала ликвидация экономического неравенства как главной основы капиталистического общества. Качественную особенность процессам освобождения придали условия Первой мировой войны. Это означало, что с каждым днем она становилась все более непопулярной, особенно в тех социальных слоях, которые больше всего пострадали от издержек военного времени. В этой статье мы ставим целью выяснение материального положения группы городских рабочих (как основной движущей силы революционного процесса). С начала 1917 г. они поставили своей задачей улучшение условий труда и быта, в том числе повысить уровень зарплаты, ввести 8-часовой рабочий день и т.д.

Борьба за улучшение условий труда сразу приняла бескомпромиссный характер. В Петрограде явочным порядком уже в начале марта был установлен 8-часовой рабочий день. После Февральской революции «значительная часть предприятий вообще не приступала к работам, другая часть приступила, но выдвинула определенные условия» [3, с. 114–118]. Следует считать установленным, что борьба за 8-часовой рабочий день в марте – апреле 1917 г. проходила стихийно, когда Общества заводчиков и фабрикантов, а также Советы рабочих депутатов были поставлены перед свершившимся фактом.

Особо стоит подчеркнуть, что предприниматели быстро пошли на уступки в вопросе о рабочем времени. Сначала это произошло в Петрограде, по-

* © Федоров А.Н., 2010

Федоров Алексей Николаевич (ale15226656@yandex.ru), Центр «Россия, СССР в истории XX века» Института российской истории РАН, 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

** Статья подготовлена в рамках Программы ИОФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», проект «Российский город в условиях революционных потрясений и трансформаций: 1917 – начале 1920-х гг.»

том в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле, Костроме и т.д. Несмотря на то что правительство так и не издало соответствующего закона, отложив дело до Учредительного собрания, тем не менее с марта по октябрь 1917 г. 8-часовой рабочий день был введен на большинстве предприятий. В советской историографии этот факт объяснялся «испугом капиталистов», «подпольной работой большевиков» и т. п. Наряду с субъективными факторами, стоит отметить, что в 1917 г., по сравнению с 1913 г., средняя продолжительность рабочего дня понизилась с 9,7 до 8,7 часа [9, с. 43]. Сверхприбыли военного времени позволили оплачивать сверхурочные работы, кроме того, предложение на рынке труда заметно опередило спрос на рабочие руки.

По подсчетам Министерства торговли и промышленности, в период с 1 марта по 1 августа 1917 г. было закрыто 568 предприятий с числом уволенных рабочих 104 372 человека [5, с. 267]. Следует признать эти данные далеко не полными: во-первых, речь шла о закрытых заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции. Во-вторых, до момента создания бирж труда не велось специальной статистики числа безработных. Косвенные данные об их числе можно почерпнуть из плана общественных работ по заготовке топлива для железных дорог, разработанного осенью 1917 г. Министерство труда предполагало занять на них до 100 тыс. человек [1. Ф. 4100. Оп. 3. Д. 3. Л. 9]. Кроме того, планировались общественные работы по благоустройству городов, сооружению защитных укреплений и т. п.

Важнейшим стимулом к труду является заработная плата. В 1918 г. Экономический комитет Московского района проводил анкетирование предприятий области на предмет выяснения динамики заработной платы. Комитетом были получены сопоставимые данные по 150 заведениям (см. таблицу).

Таблица

**Динамика заработной платы на предприятиях ЦПР
за 1914–1917 гг. [8, с. 8].**

Год	Число рабочих	Уплачено всем рабочим, в руб.	Изменение зарплаты в % отношении	Среднегодовая зарплата
1914	119 935	30 078 927	100	250
1915	124 567	38 748 736	124	311
1916	124 531	60 248 982	193	483
1917	124 703	149 352 872	478	1 197

Известный экономист С.Г. Струмилин на основе этих данных провел корреляцию заработков к уровню цен [9, с. 14]. Из его расчетов вытекало, что положение рабочего класса особенно ухудшилось во второй половине 1917 г. Предприниматели объясняли падение уровня жизни «неумолимо растущими требованиями рабочего класса». Они отмечали, что с сокращением рабочего дня примерно на 10–15 % упала производительность труда [1. Ф. 4100. Оп. 1. Д. 96. Л. 81 об.].

Основной отраслью промышленности в ЦПР являлось текстильное производство. В годы Первой мировой войны около 70 % вырабатываемых хлопчатобумажных изделий поступало на нужды обороны, остальные 30 % – на внутренний рынок [4, с. 13]. За это время изменилась сырьевая база производства, что потребовало установления твердых цен на хлопок-сырец (июль 1915 г.). Нормированные цены на сырье отвечали интересам интендантства, в то время как розничные цены на ткани продолжали расти.

От твердых цен на сырье первыми пострадали производители. Это привело к сокращению посевов хлопка и добычи минерального топлива. Сокращение сырьевой базы вызывалось и нерешенным аграрным вопросом. После Февральской революции крестьяне стали рассматривать недра земли и то, что находилось на ее поверхности, в качестве своей собственности. Например, во Владимирском уезде летом крестьяне запрещали местным фабрикам вырубать лес, а также разрабатывать торфяные болота [10. Ф. 683. Оп. 1. Д. 21. Л. 11].

В 1917 г. годовая потребность Европейской России в топливе (для технического и домашнего потребления) определялась в 5,2 млрд пудов минерального топлива. Из этого числа примерно 400 млн пудов приходилось на долю ЦПР [1. Ф. 7737. Оп. 1. Д. 34. Л. 31, 36]. Централизованное снабжение смогло обеспечить не более 1/2 потребности района, и областной Топливный комитет рекомендовал принудительное сокращение производства, расширение самостоятельной заготовки дров, а также режим экономии. Таким образом, мирное решение вопроса о 8-часовом рабочем дне было связано, в том числе, и с сокращением производства.

Однако в вопросе о повышении заработной платы предприниматели проявили большую твердость. Ссылаясь на недостаток сырья и топлива, на низкую производительность труда, они предпочли закрыть неприбыльные предприятия, буквально выставив людей на улицу (скрытые локауты). Летом 1917 г. около 1/3 текстильных фабрик области временно приостановили работу. По экспертным оценкам Советов рабочих депутатов, с началом демобилизации армии и промышленности безработица могла затронуть порядка 1 млн человек.

Следующим шагом в борьбе за улучшение условий труда стало установление минимума заработной платы. Соответствующий циркуляр был принят Министерством труда в июле 1917 г., и на его основе были разработаны отраслевые тарифные ставки. Первый общероссийский тариф был принят Союзом металлистов (7 августа). Отметим его особенности: во-первых, цены на рабочие руки не были поставлены в зависимость от стоимости товаров и услуг. Во-вторых, тариф в промышленности был проведен раньше, чем в сельском хозяйстве. Учитывая, что основное население было крестьянским, стоило ожидать наплыва новых рабочих из деревни. Нижегородские крестьяне прямо говорили: «Рабочие зарабатывают большие деньги, бастуют, а крестьяне должны отдавать хлеб по твердым ценам» [10. Ф. 683. Оп. 2. Д. 3. Л. 4]. В-третьих, речь шла об усреднении заработков квалифицированного и неквалифицированного труда.

Случай усреднения заработков стоит рассмотреть особо. В протоколах заседаний, переписке фабрично-заводских комитетов встречаются указания на тесную связь между введением 8-часового рабочего дня и минимальной заработной платой. С их введением гарантировалось «равное количество работы» за «рав-

ную оплату» всем рабочим. В этом усматривается прямое наследие общинной психологии: понижение производительности труда стало защитной реакцией на рост безработицы. По мнению рабочих, было бы преступлением, если кто-нибудь из них стал «больше есть». Московские металлисты предупреждали, что «настанет время, когда мы будем считать изменником каждого, кто сдает выше нормы, так как он увеличенной сдачей срывает сдельные расценки» [10. Ф. 186. Оп. 1. Д. 93. Л. 62]. Частным проявлением общинной психологии было требование об удалении с предприятий «чужих»: военнопленных, законтрактованных иностранцев, крестьян-отходников, замужних работниц, выходцев из мелкой буржуазии.

Традиционным способом борьбы рабочего класса оставались стачки и забастовки. В июле 1917 г. бастовало около 500 тыс. рабочих. Однако во второй половине года в забастовочном движении произошли качественные сдвиги. В крупных промышленных центрах (Москве и Петрограде) число бастующих упало, в то время как в провинции оно, наоборот, увеличилось. Это было вызвано тем, что в условиях начавшейся разрухи столичный пролетариат первым осознал неэффективность этого способа борьбы.

Если рассматривать Первую мировую войну как период хозяйственного кризиса, то следует признать, что в своем развитии он прошел 3 этапа: 1913–1914 гг., 1915–1916 гг., 1917–1918 гг. Первый и третий этапы были связаны со спадом производства, в то время как второй стал временем его наивысшего подъема. В 1915–1916 гг. процент стачек, завершившихся в пользу рабочих (20,3 и 24 %), был самым высоким за все время существования фабричной инспекции (за исключением 1905 г.) [1. Ф. 4100. Оп. 1. Д. 86. Л. 19]. Но в 1917 г. капиталисты отвечали на стачку скрытым локаутом, свертыванием производства, выводом капиталов и т.п.

Один из современников подчеркнул, что если капиталу стало выгодно закрыть фабрику, то «власть должна была перейти в руки рабочего класса» [2, с. 17]. Со второй половины 1917 г. рабочее движение приобретает все более радикальный характер. Почти в 3 раза увеличилась численность профессиональных союзов [6, с. 107]. Изменился и характер требований рабочих. Сначала фабрично-заводские комитеты, а потом профсоюзы, Советы депутатов стали требовать социализации производства в той или иной форме. Венцом социализации должен был стать рабочий контроль над производством и распределением продуктов, а с сентября 1917 г. рабочие вновь стали решать насущные проблемы явочным порядком.

Таким образом, именно рабочий класс стал тем классом, который первым пострадал от издержек военного времени. У буржуазии были накопленные капиталы, у крестьян — наделы, у средних городских слоев — ремесло, торговые лавки и собственность, а интеллигенция могла рассчитывать на государственную поддержку. В период спада производства рабочие боролись за поддержание условий жизни явочным порядком, что предполагало пересмотр традиционных понятий о праве собственности. На протяжении 1917 г. в их настроениях произошли перемены, когда достаточно четко просматриваются «радикальная весна», «относительно спокойное лето» и «весьма радикальная осень». Основным требованием стало установление рабочего контроля над производством и распределением материальных благ, которое мы рассматри-

ваем как закономерный итог начавшейся натурализации обмена. С каждым днем становилось все более понятным, что Временное правительство вряд ли бы отказалось от концепции прав и свобод человека, в то время как требовалось жесткое государственное регулирование. Только Октябрь принесет надежду, что голос рабочих, наконец, будет услышан властью.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Гуревич А.И. Заработная плата прежде и теперь. М.: Госиздат, 1922. 31 с.
3. Злоказов Г.И. К истории установления 8-часового рабочего дня на предприятиях Петрограда (март 1917 г.) // Ученые записки Горьковского ГПИ. Сер.: Историческая. Горький: Изд-во ГПИ, 1965. Вып. 49. С. 111–126.
4. Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского Промышленного района. 1917. № 1–2.
5. Клейнборт Л.М. История безработицы в России. 1857–1919 гг. М.: Изд-во ВЦСПС, 1925. 300 с.
6. Наемный труд в России. Статистический сборник за 1913–1925 гг. / под ред. С.Г. Струмилина. М.: Вопросы труда, 1927. 188 с.
7. Орлова Н.Е. Социальная политика Временного правительства // К истории русских революций: события, мнения, оценки / отв. ред. И.Х. Урилов. М.: Собрание, 2007. С. 350–360.
8. Статистика труда. 1919. № 8–10.
9. Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. М.: Вопросы труда, 1923. 88 с.
10. Центральный Государственный архив Московской области.

*A.N. Fedorov**

«WORKING PROBLEM» IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR (ON THE MATERIALS OF CENTRAL INDUSTRIAL DISTRICT)

Relying on the little-known archive sources, the author tackles upon the processes of working movement radicalization in revolutionary Russia in 1917 and arrives at a conclusion that they were the consequence not only of the objective historical preconditions, but also of the subjective factors from the sphere of social psychology.

Key words: revolution of the year 1917, economical disruption, working problem.

* *Fedorov Alexey Nikolaevich* (ale15226656@yandex.ru), Center «Russia, USSR in the History of the XX century», Institute of Russian History, RAS, 117036, Russia.